

Бредихин Владимир Евгеньевич

ИСКЛЮЧЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОСТАВА ВЛКСМ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: 1945-1953 (НА МАТЕРИАЛАХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

В статье проанализирована практика применения крайней формы дисциплинарных санкций - исключения как способа регулирования качественного состава послевоенного ВЛКСМ. Сделан вывод о тесной зависимости дисциплинарной политики от текущих общественных проблем и государственных интересов. Основой исключений в послевоенные годы являлись проступки государственного характера и преимущественно экономического плана. Социальный состав исключенных комсомольцев, в котором лидирующие позиции принадлежали рабочим, свидетельствует о практической несостоятельности традиционной ставки комсомольского руководства на укрепление в союзе "пролетарского ядра" как основы его организационной и идеологической прочности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 54-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47).084.8

Исторические науки и археология

В статье проанализирована практика применения крайней формы дисциплинарных санкций – исключения как способа регулирования качественного состава послевоенного ВЛКСМ. Сделан вывод о тесной зависимости дисциплинарной политики от текущих общественных проблем и государственных интересов. Основой исключений в послевоенные годы являлись проступки государственного характера и преимущественно экономического плана. Социальный состав исключенных комсомольцев, в котором лидирующие позиции принадлежали рабочим, свидетельствует о практической несостоятельности традиционной ставки комсомольского руководства на укрепление в союзе «пролетарского ядра» как основы его организационной и идеологической прочности.

Ключевые слова и фразы: комсомол; молодежь; послевоенный СССР; социальный состав; социальный статус; кадровая политика; дисциплинарные санкции.

Бредихин Владимир Евгеньевич, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
bve1978@yandex.ru

ИСКЛЮЧЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОСТАВА ВЛКСМ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: 1945-1953 (НА МАТЕРИАЛАХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ)

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта
№ 15-31-01002 «Комсомол как социокультурный феномен XX века».*

Социальный облик ВЛКСМ, его общественный авторитет и социально-политическая активность как организатора молодежи определялись не только социально-групповой структурой приема, но и качеством последующей воспитательной работы с новым кадровым контингентом, стилем управления комсомольских комитетов. Свое место в механизме поддержания необходимого уровня качества личного состава принадлежало такой крайней форме внутрисюзовных дисциплинарных санкций, как исключение из комсомольских рядов.

Применение этой санкции было прочно обосновано подходом комсомольского руководства к вопросу кадрового роста союзных рядов. Реализуя производственную и воспитательную функцию союза, комсомольские органы со второй половины 1930-х гг. любыми способами, в ущерб качеству кадрового пополнения, старались увеличить темпы роста его рядов, фиксируя свое внимание в первую очередь на вопросах приема экономически активной части молодежи – рабочих и колхозников. По существу, перед низовыми комитетами ставилась невыполнимая задача: одновременное строгое соблюдение уставных правил приема, непрерывный рост его величины и высокое морально-политическое и исполнительское качество нового пополнения. В этой ситуации административные «перегибы» и включение в состав союза чуждых ему по духу элементов становились постоянным спутником приемных кампаний. Постоянным спутником ВЛКСМ становился организационный «балласт» и не поддающийся контролю фактический выход комсомольцев из его рядов. Неизбежной становилась и карательная политика в отношении нарушителей норм комсомольской жизни.

Эта проблема является малоизученной в современной российской историографии, в том числе по причине немногочисленности работ о внутренней жизни ВЛКСМ в период позднего сталинизма, которая стала объектом научных изысканий лишь трех ученых: уральского историка М. Н. Федченко и тамбовских историков А. А. Беляева и М. М. Дорошиной [1; 4; 9; 10]. Однако научное внимание М. М. Дорошиной было сосредоточено на характеристике руководящих кадров среднего звена, а М. Н. Федченко, специально не концентрируясь на вопросах регулирования комсомольского состава, мимоходом отмечает массовое нарушение райкомами уставной процедуры при исключении из союза «балласта» – утративших фактическую связь с организацией членов: их исключали в «рабочем порядке», на основании задолженности по уплате членских взносов, без предварительного рассмотрения дел в первичных организациях [10, с. 79].

В отличие от М. М. Дорошиной и М. Н. Федченко, А. А. Беляев уделяет этому вопросу специальное внимание [1, с. 49, 50; 9, с. 28, 29]. Исследователь подчеркнул сравнительную редкость применения в послевоенные годы жестких дисциплинарных санкций к членам ВЛКСМ, их тесную связь с трудовым законодательством, отличавшимся крайней суровостью. Использование исключения как средства повышения трудовой дисциплины среди комсомольцев-колхозников, по мнению А. А. Беляева, было неразумно в силу объективно тяжелых условий жизни и труда в послевоенной деревне. Потерпела фиаско и попытка комсомольских комитетов при помощи исключений повысить учебную дисциплину и успеваемость в первичных организациях общеобразовательных школ.

Между тем проблема управляемой селекции личного состава ВЛКСМ представляет научный интерес как индикатор политической социализации советской молодежи.

Перед войной, как мы знаем, селекция личного состава ВЛКСМ проводилась на узкополитической и даже классовой основе и сопровождалась массовыми исключениями комсомольцев по обвинению в связи с «врагами

народа» [3, с. 196]. Цель этих по сути превентивных чисток заключалась в создании конформистски и просталински настроенного союза молодежи. В годы войны ситуация кадрового дефицита, сложнейшие организационные задачи и объективное понимание напряженной психоэмоциональной атмосферы в обществе обусловили крайне осторожный подход комсомольского руководства к применению крайних дисциплинарных мер. Поскольку приоритетами общественной жизни военных лет считались преданность советскому строю и высокая трудовая дисциплина, преимущественными основаниями исключения стали обвинения в измене Родине (вероятно, в основном на временно оккупированных территориях) и грубом нарушении трудовой дисциплины (дезертирство с производства) [2].

Поголовный добровольный и даже насильственный прием в территориальные организации в период войны, по признанию самого комсомольского руководства, расшатал внутрисоюзную дисциплину. Ситуация усугублялась требованиями центрального руководства о наращивании темпов приема в первые послевоенные годы в целях скорейшего восстановления довоенной численности союза и более активного мобилизующего воздействия на молодежь, занятую на производстве. В условиях производственно-бытовых трудностей послевоенного восстановления это привело как к росту карательной активности комсомольских органов, так и формированию специфической картины оснований ее применения (см. Таблицу 1 [7, д. 237, л. 1 об., 15 об. – 17 об., д. 397, л. 14 об. – 17 об., д. 571, л. 1 об., 3 об., д. 760, л. 2 об., 3 об., д. 934, л. 1 об., 2 об., д. 1120, л. 1 об., 2 об., д. 1135, л. 1 об., 11 об., д. 1847, л. 114-118; 7, д. 102, л. 3, 32; 8, д. 55, л. 24]).

Таблица 1. Исключения из ВЛКСМ в 1945-1953 гг.

Год	Всего исключено: кол. %	Доля исключенных в составе ВЛКСМ, в %	Основания исключения и доля исключенных по каждому основанию							
			за измену Родине	за дезертирство с производства и нарушение трудовой дисциплины	за утрату комсомольского билета	за спекуляцию, растрату, воровство	как осужденных	за хулиганство и моральное разложение	нарушение комсомольской дисциплины	остальные причины
1945	<u>14998</u> 100%	0,28	<u>2159</u> 14,4%	<u>6460</u> 43,1%	<u>202</u> 1,3%	<u>1512</u> 10,1%	<u>1273</u> 8,5%	<u>327</u> 2,2%	<u>1789</u> 11,9%	<u>1276</u> 8,5%
1946	<u>23556</u> 100%	0,4	<u>1426</u> 6,1%	<u>8400</u> 35,7%	<u>449</u> 1,9%	<u>2908</u> 12,3%	<u>3791</u> 16,1%	<u>784</u> 3,3%	<u>4161</u> 17,7%	<u>1637</u> 7,0%
1947	<u>40624</u> 100%	0,61	<u>668</u> 1,6%	<u>15708</u> 38,7%	<u>956</u> 2,4%	<u>6088</u> 15,0%	<u>6764</u> 16,6%	<u>1068</u> 2,6%	<u>6836</u> 16,8%	<u>2536</u> 6,2%
1948	<u>39452</u> 100%	0,53	<u>834</u> 2,1%	<u>11022</u> 27,9%	<u>782</u> 2,0%	<u>6880</u> 17,4%	<u>6616</u> 16,8%	<u>1615</u> 4,1%	<u>8831</u> 22,4%	<u>2872</u> 7,3%
1949	<u>84055</u> 100%	0,98	<u>1732</u> 2,1%	<u>21169</u> 25,2%	<u>1484</u> 1,8%	<u>8441</u> 10,0%	<u>12741</u> 15,2%	<u>3884</u> 4,6%	<u>30110</u> 35,8%	<u>4494</u> 5,3%
1950	<u>73822</u> 100%	0,73	<u>915</u> 1,2%	<u>15493</u> 21,0%	<u>1232</u> 1,7%	<u>4160</u> 5,6%	<u>15432</u> 20,9%	<u>4603</u> 6,2%	<u>27061</u> 36,7%	<u>4926</u> 6,7%
1951	<u>75379</u> 100%	0,64	<u>471</u> 0,6%	<u>15731</u> 20,9%	<u>1114</u> 1,5%	<u>4398</u> 5,8%	<u>16598</u> 22,0%	<u>5498</u> 7,3%	<u>28346</u> 37,6%	<u>3223</u> 4,3%
1952	<u>79473</u> 100%	0,6	<u>282</u> 0,3%	<u>12600</u> 15,9%	<u>1656</u> 2,1%	<u>3576</u> 4,5%	<u>17805</u> 22,4%	<u>7632</u> 9,6%	<u>31972</u> 40,2%	<u>3950</u> 5,0%
1953	<u>75187</u> 100%	0,5	–	<u>10140</u> 13,5%	<u>1618</u> 2,2%	<u>4333</u> 5,8%	<u>17192</u> 22,9%	<u>8729</u> 11,6%	<u>29412</u> 39,1%	<u>3763</u> 5,0%
Всего	<u>506546</u> 100%	–	<u>8487</u> 1,7%	<u>116723</u> 23,0%	<u>9493</u> 1,9%	<u>42296</u> 8,4%	<u>98212</u> 19,4%	<u>34140</u> 6,7%	<u>168518</u> 33,3%	<u>28677</u> 5,7%

Как видно из Таблицы 1, вплоть до 1949 г. увеличивались абсолютные и относительные показатели применения крайней меры дисциплинарного воздействия, которые заметно превзошли уровень военных лет и даже предвоенных 1939-1940 гг., но далеко не достигли величины рекордного 1937 г. С 1950 г. интенсивность применения этой санкции стала снижаться – за счет сокращения численности исключенных за экономические проступки (нарушение трудовой дисциплины, спекуляция, растрата, воровство). Ведущими основаниями исключений стало нарушение трудовой и комсомольской дисциплины и уголовно наказуемые деяния, на которые в среднем пришлось соответственно 23%, 33,3% и 29,5% исключенных. При этом в начале периода (до 1948 г.), когда существовало государственное прикрепление промышленно-производственного персонала к предприятиям оборонного значения, ведущую роль в составе исключенных играли дезертиры с производства

(до 40% в общей массе) – вчерашние молодые колхозники, насильственно вырванные из села в порядке набора и попавшие в тяжелейшие материально-бытовые условия послевоенных городов и заводских поселков. Этими же объективными обстоятельствами были обусловлены высокие показатели исключения за экономические преступления – спекуляцию, растрату, воровство (до 17%). Наиболее активно применявшееся в военное время основание исключения – за измену Родине и связь с врагами народа – оказалось на последнем месте, а концу периода исчезло вовсе. Обращает на себя внимание скачок исключений по этому основанию в 1949 г., когда проходил крупнейший в послевоенное время политический процесс – «ленинградское дело».

Вторая половина изучаемого периода характеризуется снижением масштабов исключений по ранее лидирующим основаниям и выдвиганием на первое место исключенных за нарушение комсомольской дисциплины – до 40% от общей массы – и как осужденных – до 23% от общей массы или по 15-17 тыс. человек ежегодно.

В целом можно заключить, что, как и в период кампании борьбы с «врагами народа» 1930-х гг. и в период войны, в послевоенные годы по-прежнему основная масса исключенных из ВЛКСМ – в среднем 52,5% – приходилась на совершивших государственные правонарушения, и только в самом конце периода ведущая роль перешла к проступкам морального и внутриуставного характера, внутренне присущим воспитательной молодежной организации.

Также представляет интерес социальная характеристика исключенных, проиллюстрированная в Таблицах 2-5.

Состав исключенных по роду занятий представлен в Таблице 2 [6, д. 237, л. 1 об., 15 об. – 17 об., д. 397, л. 14 об. – 17 об., д. 571, л. 1 об., 3 об., д. 760, л. 2 об., 3 об., д. 934, л. 1 об., 2 об., д. 1120, л. 1 об., 2 об., д. 1135, л. 1 об., 11 об., д. 1324, л. 3 об., 4 об., д. 1345, л. 2 об., 4 об.].

Таблица 2. Состав исключенных из ВЛКСМ по роду занятий

Год	Всего исключено	В том числе:				
		рабочих	колхозников	служащих	учащихся	остальных
1945	<u>14998</u> 100%	<u>6447</u> 43,0%	<u>2094</u> 14,0%	<u>4359</u> 29,1%	<u>1659</u> 11,1%	<u>439</u> 2,9%
1946	<u>23556</u> 100%	<u>10110</u> 42,9%	<u>4269</u> 18,1%	<u>6003</u> 25,5%	<u>2369</u> 10,1%	<u>805</u> 3,4%
1947	<u>40624</u> 100%	<u>20597</u> 50,7%	<u>6686</u> 16,5%	<u>7611</u> 18,7%	<u>3961</u> 9,7%	<u>1769</u> 4,4%
1948	<u>39452</u> 100%	<u>16446</u> 41,7%	<u>8554</u> 21,7%	<u>9077</u> 23,0%	<u>3152</u> 8,0%	<u>2223</u> 5,6%
1949	<u>84055</u> 100%	<u>38634</u> 46,0%	<u>16063</u> 19,1%	<u>18064</u> 21,5%	<u>6893</u> 8,2%	<u>4780</u> 5,7%
1950	<u>73822</u> 100%	<u>35271</u> 47,8%	<u>14240</u> 19,3%	<u>13969</u> 18,9%	<u>6158</u> 8,4%	<u>4184</u> 5,7%
1951	<u>75379</u> 100%	<u>38462</u> 51,0%	<u>14973</u> 19,9%	<u>12561</u> 16,7%	<u>5399</u> 7,2%	<u>3984</u> 5,3%
1952	<u>79473</u> 100%	<u>39682</u> 49,9%	<u>16992</u> 21,4%	<u>13397</u> 16,9%	<u>5094</u> 6,4%	<u>4308</u> 5,4%
1953	<u>75187</u> 100%	<u>38529</u> 51,3%	<u>14976</u> 19,9%	<u>11696</u> 15,6%	<u>5290</u> 7,0%	<u>4696</u> 6,3%
Всего	<u>506546</u> 100%	<u>244178</u> 48,2%	<u>98847</u> 19,5%	<u>96737</u> 19,1%	<u>39975</u> 7,9%	<u>27188</u> 5,4%

Материал таблицы свидетельствует о том, что свыше 90% исключенных представляли экономически активную часть комсомольцев – в основном рабочих, колхозников и служащих, которые в силу возраста и профессионального статуса попадали под весь спектр оснований исключения, в том числе под широко распространенные в послевоенный сталинский период трудовые и уголовные основания. При этом доля экономически активной части комсомольцев в составе послевоенного ВЛКСМ составляла в среднем 64%, и, следовательно, интенсивность исключения ее представителей была значительно выше, нежели комсомольцев-учащихся, которые, насчитывая в среднем 36% состава организации, составляли лишь 8% в массе исключенных [6, д. 130, л. 5 об., д. 237, л. 1 об., д. 397, л. 17 об., д. 571, л. 3 об., д. 760, л. 3, 3 об., д. 934, л. 5, д. 1120, л. 6, д. 1135, л. 13, д. 1847, л. 52, 53; 7, д. 102, л. 6; 9, д. 52, л. 200-205, д. 55, л. 48, 49].

Очевидно, что учащиеся комсомольцы, среди которых преобладали школьники, в силу рода деятельности в целом не попадали под широко распространенные основания исключения – трудовые и экономические правонарушения; в меньшей степени, в силу возраста, была вероятность их исключения за уголовные преступления и аморальное поведение. Поэтому рост этой прослойки в составе послевоенного ВЛКСМ должен был сопровождаться сокращением относительной численности исключенных комсомольцев, что и фиксирует с рубежа 1940-1950-х гг. Таблица 1. Заслуживает внимания факт доминирования среди исключенных учащихся немногочисленной подгруппы курсантов системы государственных трудовых резервов, на которых приходилось 46% исключенных в этой группе. Поскольку учащиеся системы государственных трудовых резервов считались мобилизованным контингентом, то прекращение ими учебы квалифицировалось как дезертирство с производства и, соответственно, являлось твердым основанием для исключения из ВЛКСМ. Массовые случаи

бегства курсантов из учебных заведений системы государственных трудовых резервов имели объективное основание – тяжелые материально-бытовые условия учебы. Без учета этой подгруппы, составлявшей в среднем 7% общей массы учащихся, на долю последних при прослойке в 33,7% приходилось всего 4,3% исключений.

Основная масса исключенных в послевоенные годы комсомольцев – в среднем почти 50% – приходилась на рабочее ядро, или, другими словами, официальную элиту ВЛКСМ. Интенсивность исключения представителей этой социальной группы, куда входило в среднем 22% комсомольцев, была самой высокой. Для сравнения: удельный вес исключенных из комсомола колхозников и служащих приблизительно равнялся их доле в составе организации – в среднем 21,1% и 17,4% соответственно.

Столь высокие показатели применения дисциплинарных санкций в отношении рабочего ядра ВЛКСМ объяснялись не только социально-психологическим портретом его представителей, включая низкий образовательный ценз, но и особенностями труда на предприятиях промышленности и транспорта в послевоенные годы: государственные принудительные оргнаборы в промышленность и фактическое прикрепление до 1948 г. промышленно-производственного персонала к предприятиям оборонного значения в совокупности с тяжелыми материально-бытовыми условиями жизни послевоенного города обусловили многочисленные случаи самостоятельного оставления новоиспеченными рабочими места работы, что рассматривалось государством, а значит, и комсомольским руководством как дезертирство с производства и до 1948 г. являлось наиболее распространенным основанием исключения из комсомольских рядов [11, с. 212].

Самыми дисциплинированными среди профессионально занятых членов ВЛКСМ являлись представители интеллигенции, то есть учителя, инженеры, врачи и агрономы: при прослойке в 4,5-5% на них приходилось всего 2,5% исключенных из комсомола. При этом еще сравнительно недавно (до 1936 г.) прием в организацию этой прослойки молодежи считался наименее целесообразным и предполагал испытательный срок в виде кандидатского стажа. Относительно высокая дисциплинированность этой группы комсомольцев объяснима в том числе практическими соображениями: интеллигенция в силу высокого образовательного статуса имела широкие возможности использования комсомола в качестве социального лифта.

Состав исключенных по возрасту, представленный в Таблице 3 [6, д. 237, л. 1 об., 15 об. – 17 об., д. 397, л. 14 об. – 17 об., д. 571, л. 1 об., 3 об., д. 760, л. 2 об., 3 об., д. 934, л. 1 об., 2 об., д. 1120, л. 1 об., 2 об., д. 1135, л. 1 об., 11 об., д. 1324, л. 3 об., 4 об., д. 1345, л. 2 об., 4 об.], косвенно подтверждает сведения, содержащиеся в Таблице 2.

Таблица 3. Состав исключенных из ВЛКСМ по возрасту

Год	Всего исключено	В том числе:					
		14 лет	15-17 лет	18-21 год	22-23 года	24-26 лет	старше 26 лет
1945	<u>14998</u> 100%	<u>136</u> 0,9%	<u>2265</u> 15,1%	<u>7083</u> 47,2%	<u>2985</u> 19,9%	<u>1604</u> 10,7%	<u>795</u> 5,3%
1946	<u>23556</u> 100%	<u>145</u> 0,6%	<u>2910</u> 12,4%	<u>11793</u> 50,1%	<u>4686</u> 19,9%	<u>2872</u> 12,2%	<u>1150</u> 4,9%
1947	<u>40624</u> 100%	<u>218</u> 0,5%	<u>3850</u> 9,5%	<u>22378</u> 55,1%	<u>8087</u> 19,9%	<u>4699</u> 11,6%	<u>1392</u> 3,4%
1948	<u>39452</u> 100%	<u>103</u> 0,3%	<u>2245</u> 5,7%	<u>19560</u> 49,6%	<u>9123</u> 23,1%	<u>6819</u> 17,3%	<u>1602</u> 4,1%
1949	<u>84055</u> 100%	<u>273</u> 0,3%	<u>4455</u> 5,3%	<u>37753</u> 44,9%	<u>19170</u> 22,8%	<u>17895</u> 21,3%	<u>4509</u> 5,4%
1950	<u>73822</u> 100%	<u>114</u> 0,2%	<u>3345</u> 4,5%	<u>29638</u> 40,2%	<u>18544</u> 25,1%	<u>17027</u> 23,1%	<u>5154</u> 7,0%
1951	<u>75379</u> 100%	<u>115</u> 0,2%	<u>3602</u> 4,8%	<u>29471</u> 39,1%	<u>16963</u> 22,5%	<u>18761</u> 24,9%	<u>6467</u> 8,6%
1952	<u>79473</u> 100%	<u>113</u> 0,2%	<u>3750</u> 4,7%	<u>26004</u> 32,7%	<u>17332</u> 21,8%	<u>22753</u> 28,6%	<u>9521</u> 12,0%
1953	<u>75187</u> 100%	<u>89</u> 0,1%	<u>3648</u> 4,9%	<u>24306</u> 32,3%	<u>15529</u> 20,7%	<u>20983</u> 27,9%	<u>10632</u> 14,1%
Всего	<u>506546</u> 100%	<u>1306</u> 0,3%	<u>30070</u> 5,9%	<u>207986</u> 41,1%	<u>112419</u> 22,2%	<u>113413</u> 22,4%	<u>41222</u> 8,1%

В частности, ее данные фиксируют ничтожный процент – в среднем 6% – исключенных из ВЛКСМ подростков, которые в массе своей являлись школьниками и составляли в среднем 31% членов послевоенного ВЛКСМ [6, д. 760, л. 3, 3 об., д. 934, л. 5, д. 1120, л. 6, д. 1135, л. 13, д. 1847, л. 60, 61; 7, д. 102, л. 5; 9, д. 52, л. 200-205, д. 55, л. 48, 49]. В среднем почти 86% исключенных приходилось на комсомольцев экономически активного возраста – 18-26 лет. При этом наиболее интенсивно исключали из комсомола лиц заповогого возраста – старше 26 лет, – на которых в среднем приходилось 3,4% состава организации и в тоже время 8,1% состава исключенных. Возможно, комсомольцы заповогого возраста являлись основными нарушителями комсомольской дисциплины, отказываясь от общественных поручений и уплаты членских взносов, а ее нарушение, как свидетельствует Таблица 1, являлось наиболее распространенным основанием исключения из союза в послевоенные годы. Сравнительно часто исключали из союза лиц предповогого возраста – 24-26 лет, – на которых в среднем приходилось 11,1% состава организации и 22,4% состава исключенных; а также

молодежь 22-23 лет, доля которой в составе организации составляла в среднем 13,8%, а в составе исключенных – 22,2%. На фоне этих трех возрастных групп интенсивность исключения из комсомола молодежи младшей экономически активной группы – 18-21 год – была сравнительно невысока: составляя в среднем 40,5% членов организации, эта группа давала 41% исключенных. Объяснение подобной динамики, возможно, кроется в величине в упомянутых возрастных группах прослойки служащих, как представляется, являвшихся основной контингентом исключенных за совершение экономических правонарушений (спекуляция, растрата, воровство казенных средств). Эта прослойка почти отсутствовала в силу возраста в группе 18-21 год и, наоборот, была наиболее сильно представлена в старшей группе запорогового возраста.

Состав исключенных по образованию, представленный в Таблице 4 [6, д. 237, л. 1 об., 15 об. – 17 об., д. 397, л. 14 об. – 17 об., д. 571, л. 1 об., 3 об., д. 760, л. 2 об., 3 об., д. 934, л. 1 об., 2 об., д. 1120, л. 1 об., 2 об., д. 1135, л. 1 об., 11 об., д. 1324, л. 3 об., 4 об., д. 1345, л. 2 об., 4 об.], показывает зависимость уровня корпоративной и общей культуры членов послевоенного ВЛКСМ от уровня их образования.

Таблица 4. Состав исключенных из ВЛКСМ по образованию

Год	Всего исключено	В том числе:				
		необразованных	начальное	неполное среднее	среднее	высшее
1945	<u>14998</u> 100%	<u>968</u> 6,5%	<u>5218</u> 34,8%	<u>6949</u> 46,3%	<u>1744</u> 11,6%	<u>119</u> 0,8%
1946	<u>23556</u> 100%	<u>1178</u> 5,0%	<u>10002</u> 42,5%	<u>10341</u> 43,9%	<u>1921</u> 8,2%	<u>114</u> 0,5%
1947	<u>40624</u> 100%	<u>3277</u> 8,1%	<u>23367</u> 57,5%	<u>11776</u> 29,0%	<u>2150</u> 5,3%	<u>54</u> 0,1%
1948	<u>39452</u> 100%	<u>3163</u> 8,0%	<u>21024</u> 53,3%	<u>12536</u> 31,8%	<u>2651</u> 6,7%	<u>78</u> 0,2%
1949	<u>84055</u> 100%	<u>6329</u> 7,5%	<u>43743</u> 52,0%	<u>27644</u> 32,9%	<u>6123</u> 7,3%	<u>216</u> 0,3%
1950	<u>73822</u> 100%	<u>5873</u> 8,0%	<u>39090</u> 53,0%	<u>23142</u> 31,4%	<u>5451</u> 7,4%	<u>266</u> 0,4%
1951	<u>75379</u> 100%	<u>6541</u> 8,7%	<u>41645</u> 55,2%	<u>21992</u> 29,2%	<u>4887</u> 6,5%	<u>314</u> 0,4%
1952	<u>79473</u> 100%	<u>5776</u> 7,3%	<u>43544</u> 54,8%	<u>23772</u> 29,9%	<u>5971</u> 7,5%	<u>410</u> 0,5%
1953	<u>75187</u> 100%	<u>5330</u> 7,1%	<u>40291</u> 53,6%	<u>23070</u> 30,7%	<u>5864</u> 7,8%	<u>632</u> 0,8%
Всего	<u>506546</u> 100%	<u>38435</u> 7,6%	<u>267924</u> 52,9%	<u>161222</u> 31,8%	<u>36762</u> 7,3%	<u>2203</u> 0,4%

Если доля необразованных и низкообразованных членов в составе ВЛКСМ в среднем составляла соответственно 3,7% и 37,1%, то их доля в составе исключенных – 7,6% и 52,9%. И, наоборот, в группах средне- и высокообразованных комсомольцев относительные показатели численности исключенных были сравнительно ниже, чем относительная численность этих групп в составе ВЛКСМ: по лицам с неполным средним образованием доля в составе исключенных составила 31,8% при доле в составе организации в 42%; по лицам со средним образованием эти показатели составили соответственно 7,3% и 16,1%; по лицам с высшим образованием – 0,4% и 1,1%. Очевидно, что группа малообразованных комсомольцев служила основным источником исключений по таким основаниям, как хулиганство, дезертирство с производства и совершение уголовных преступлений.

Наконец, состав исключенных по полу, представленный в Таблице 5 [6, д. 237, л. 1 об., 15 об. – 17 об., д. 397, л. 14 об. – 17 об., д. 571, л. 1 об., 3 об., д. 760, л. 2 об., 3 об., д. 934, л. 1 об., 2 об., д. 1120, л. 1 об., 2 об., д. 1135, л. 1 об., 11 об., д. 1324, л. 3 об., 4 об., д. 1345, л. 2 об., 4 об.], ожидаемо свидетельствует о более высокой интенсивности исключения из ВЛКСМ мужчин, нежели женщин: при средней численности в 45,6% списочного состава организации мужчины составляли 63,1% исключенных [6, д. 760, л. 3, 3 об., д. 934, л. 5, д. 1120, л. 6, д. 1135, л. 13, д. 1847, л. 49; 7, д. 102, л. 8; 8, д. 55, л. 48, 49].

Отношение к дисциплинарной политике низовых комсомольских комитетов и центрального комсомольского руководства было неоднозначным, учитывая поставленную перед первичными организациями задачу перевоспитания не разделяющих общественные ценности молодых людей. Вероятно, у ЦК ВЛКСМ вызвали вопросы исключения аполитичного характера – за утрату членского билета, хулиганство, моральное разложение и нарушение комсомольской дисциплины (задолженность по уплате членских взносов, отказ от выполнения комсомольских поручений). Рост числа исключений рассматривался комсомольским руководством, с одной стороны, как признак бюрократического отношения руководящих работников к судьбе рядовых членов ВЛКСМ, с другой – как признак слабой дисциплины в первичных организациях [8, д. 55, л. 24]. Выступая на пленуме ЦК ВЛКСМ в ноябре 1949 г., секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин признал, что этой процедуре присущи чрезмерно строгий подход и формализм, включая принятие решения об исключении без участия обвиняемого в проступке [5, д. 267, л. 81, 82].

Политика регулирования комсомольского состава в послевоенный период имела некоторые характерные черты, обусловленные объективными факторами развития советского общества эпохи позднего сталинизма:

тяжелыми условиями жизни и труда, голодом 1946-1947 гг., форсированным восстановлением народного хозяйства, промышленными приоритетами правительственной экономической политики, развитием системы образования, борьбой правительства с ростками западной «буржуазной» культуры.

Таблица 5. Состав исключенных из ВЛКСМ по полу

Год	Всего исключено	В том числе:	
		мужчин	женщин
1945	<u>14998</u> 100%	<u>6495</u> 43,3%	<u>8503</u> 56,7%
1946	<u>23556</u> 100%	<u>12057</u> 51,2%	<u>11499</u> 48,8%
1947	<u>40624</u> 100%	<u>23593</u> 58,1%	<u>17031</u> 41,9%
1948	<u>39452</u> 100%	<u>25036</u> 63,5%	<u>14416</u> 36,5%
1949	<u>84055</u> 100%	<u>51517</u> 61,3%	<u>32538</u> 38,7%
1950	<u>73822</u> 100%	<u>47696</u> 64,6%	<u>26126</u> 35,4%
1951	<u>75379</u> 100%	<u>48953</u> 64,9%	<u>26426</u> 35,1%
1952	<u>79473</u> 100%	<u>53220</u> 67,0%	<u>26253</u> 33,0%
1953	<u>75187</u> 100%	<u>50892</u> 67,7%	<u>24295</u> 32,3%
Всего	<u>506546</u> 100%	<u>319459</u> 63,1%	<u>187087</u> 36,9%

Санкционная политика в союзе в послевоенный период носила печать текущих общественных проблем и государственных интересов и сопровождалась ростом карательной активности комитетов в сравнении с военным периодом. Основой исключений в послевоенные годы являлись проступки государственного характера и преимущественно экономического плана, что объяснялось суровыми материальными и законодательными условиями послевоенной жизни. Некоторое смягчение этих условий обусловило рост доли внутрисоюзных оснований исключений, которые в начале 1950-х гг. заняли, как и положено в общественной молодежной организации, лидирующие позиции. Задача поголовного «коммунистического» воспитания молодого поколения посредством приобщения к комсомолу заставляла его центральное руководство сдерживать карательную активность местных комитетов по отношению к нарушителям моральных и уставных норм. В целом карательная политика послевоенного периода отвечала государственному статусу ВЛКСМ.

Анализ социального состава исключенных убедительно свидетельствует о зависимости уровня корпоративной культуры членов ВЛКСМ от их социального статуса. Наивысший уровень дисциплинированности демонстрировала хорошо и высокообразованная прослойка комсомольцев – представители технической и гуманитарной интеллигенции, учащиеся вузов и техникумов, а основными нарушителями уставных норм и комсомольской этики являлись низкообразованные представители рабочего ядра, объективно поставленного в тяжелые жизненные условия послевоенного города. Следовательно, традиционная для сталинского периода «классовая» ставка комсомольского руководства на увеличение в союзе рабочей прослойки как основы его организационной и идеологической прочности не имела практического смысла.

Список источников

1. **Беляев А. А.** Провинциальные комсомольские организации в послевоенных условиях: особенности деятельности в духовной сфере (на материалах Тамбовской области 1945-1954 гг.): дисс. ... к.и.н. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. 293 с.
2. **Бредихин В. Е.** Исключение как санкционная мера регулирования состава ВЛКСМ в период Великой Отечественной войны (1941-1945): опыт сравнительного анализа // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5. С. 595-604.
3. **Бредихин В. Е.** Регулирование состава ВЛКСМ во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 186-208.
4. **Дорошина М. М.** Корпус первых секретарей областного, городских и районных комитетов комсомола Тамбовской области (1937-1991 гг.): дисс. ... к.и.н. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. 248 с.
5. **Российский государственный архив социально-политической истории** (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2.
6. **РГАСПИ.** Ф. М-1. Оп. 33.
7. **РГАСПИ.** Ф. М-6. Оп. 11.
8. **РГАСПИ.** Ф. М-6. Оп. 12.
9. **Слезин А. А., Беляев А. А.** Состав провинциальных комсомольских организаций после Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3 (8). С. 25-32.
10. **Федченко М. Н.** Молодые производственники Урала. Исторический опыт социализации (1945 – начало 60-х гг.): дисс. ... д.и.н. Курган: Курганский гос. ун-т, 2001. 722 с.
11. **Фильцер Д.** Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

**EXCLUSION AS A METHOD OF COMPOSITION REGULATION OF THE ALL-UNION
LENINIST YOUNG COMMUNIST LEAGUE IN THE POST-WAR YEARS: 1945-1953
(BY THE MATERIALS OF TERRITORIAL ORGANIZATIONS)**

Bredikhin Vladimir Evgen'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
bve1978@yandex.ru

The article analyzes the practice of the application of the extreme form of disciplinary sanctions – exclusion as a way of the qualitative composition regulation of the post-war All-Union Leninist Young Communist League. A conclusion is made about the close dependence of disciplinary policy on current social problems and state interests. The basis for exclusion in the post-war years was the misbehaviour of the state nature and mainly of the economic plan. The social composition of the excluded Komsomol members, in which the leading positions were occupied by the workers, testifies to the practical inefficiency of the traditional rate of the Komsomol leadership for strengthening the “proletarian core” in the union as a basis of its organizational and ideological strength.

Key words and phrases: Komsomol; youth; post-war USSR; social composition; social status; personnel policy; disciplinary sanctions.

УДК 7.01

Искусствоведение

В статье анализируются принципы методологического обеспечения процесса научного исследования по искусствоведению, содержание и взаимодействие компонентов методологического аппарата, технологии их применения. Основное внимание уделено системному подходу как одному из важнейших факторов, обеспечивающих выбор адекватных способов, средств исследования и достижения объективных научных результатов.

Ключевые слова и фразы: теория; концепция; подход; системный подход; элемент; целостность; связь.

Будкеев Дмитрий Сергеевич

Будкеев Сергей Михайлович, д. искусствovedения, доцент
Алтайский государственный университет, г. Барнаул
budkeev@rambler.ru

**СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ
ПО ИСКУССТВОВЕДЕНИЮ**

Отечественная искусствоведческая наука в настоящее время становится важным фактором, обеспечивающим надёжный фундамент общей и профессиональной культуры в сферах изобразительного, декоративно-прикладного искусства, архитектуры, музыки, смежных видов искусств. Реализация этой сложной задачи зависит от степени овладения учёным методологическим аппаратом и механизмами его применения. В искусствоведении нередки случаи, когда богатый эмпирический материал обрабатывается, анализируется несоответствующим научному замыслу инструментарием. В итоге возникает неясность позиции исследователя, ошибочность установок, неточность выводов.

Практика показала, что чаще всего возникают проблемы с методологическим обеспечением научного исследования. Одним из факторов, определяющих стройность и последовательность научной логики, является системный подход. Поскольку системный подход является компонентом методологического аппарата, важно проанализировать его базис и некоторые содержательные элементы.

Концепция всеобщей организационной науки обоснована Александром Александровичем Богдановым (1873-1928). В основе тектологии А. А. Богданова лежит принцип целого, которое больше суммы своих частей благодаря многочисленным отношениям и связям этих частей друг с другом. Согласно А. А. Богданову, организованное целое состоит из компонентов, активно взаимодействующих со средой, в которой они находятся. Например, искусствоведение, как компонент искусствознания, развивается благодаря активному перекрёстному взаимодействию входящих в него видов искусств, среди которых – изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство, архитектура, музыкальное искусство, литература, поэзия и др. Взаимодействие видов может быть непосредственным (т.н. синкретические виды – опера, балет, кино, телевидение) и опосредованным (зрительные ассоциации в музыке, музыкальные ассоциации в поэзии). Таким образом, искусствоведение представляет собой гораздо более сложную и богатую систему, чем простое сложение знаний о видах искусств.

Наряду с взаимодействием компонентов системы важнейшую роль играет их функциональная специфика. Вокруг неё формируются подсистемы, которые можно назвать производными. Например, литература и поэзия – вербальные виды искусств. Это их главная функциональная специфика. Производными от литературы и поэзии подсистемами могут быть экранизации литературного произведения, создание рисунков, иллюстраций,